

Литературный альманах
Понедельник

№7

Наталья Терликова

Понедельник. №7

«Издательские решения»

Терликова Н.

Понедельник. №7 / Н. Терликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502324-7

Уважаемые друзья! Перед вами 7-й выпуск литературного альманаха «Понедельник». Этот номер содержит произведения как признанных мастеров слова, так и пока не известных широкой публике авторов. При этом все они безусловно интересны; каждый автор доносит до аудитории собственный, только ему свойственный заряд вдохновения; особую, присущую именно ему «изюминку». Нужно только внимательно вчитаться... Альманах подготовлен при участии ЛитО «Понедельник» и «Издательского дома Helen Limonova» (Израиль).

ISBN 978-5-00-502324-7

© Терликова Н.
© Издательские решения

Содержание

Авторы Лито «Понедельник», Израиль	6
Яша Хайн, Хайфа	6
Чужая бабушка...	6
Гриша	7
Две минуты – между жизнью и смертью...	8
Белые ночи, белая грусть	8
Тут не любовь – скорей судьба	8
Рыжий солдат	9
Ирина Сапир, Холон	10
Цикл стихотворений о городах «С миру по строчке»	10
Париж	10
Рига	11
Тракай	11
Москва	12
Одесса	12
Тель-Авив	13
Михаил Ландбург, Ришон ле-Цион	15
На приёмной комиссии	15
Я сидел за компьютером	15
Фигня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Понедельник

№7

Редактор Наталья Терликова

Редактор Сима Крейнин

ISBN 978-5-0050-2324-7 (т. 7)

ISBN 978-5-4496-0104-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Перед вами седьмой, юбилейный выпуск альманаха «Понедельник». Всего лишь четыре года назад у этого литературного проекта ещё не было ни имени, ни точной даты рождения, а лишь наши мечты объединить авторов, излучающих свет, в единый круг света. Однако мечты сбываются, и в феврале 2017 года в «Издательском доме Helen Limonova» вышел первый номер нового альманаха «Понедельник», который объединил под одной обложкой двадцать авторов из разных городов Израиля, участников виртуальной группы «Понедельник начинается в субботу». Секрет успеха нашего литературного сборника не только в уникальной творческой атмосфере, которую создают сами авторы, но и в чисто материальной выгоде. Во-первых, далеко не каждый писатель может позволить себе оплатить выпуск собственной книги. А во-вторых, довольно быстро решается вопрос распространения издания по стране. Чем больше авторов в альманахе, тем шире география читательской аудитории.

Итак, «Понедельник» стал таким своеобразным рекламным каталогом для неизвестных авторов, а для популярных писателей и поэтов – прекрасной возможностью познакомиться читателей со своими новыми произведениями. И мы продолжаем знакомить вас с творчеством участников ЛитО «Понедельник». В этом выпуске вы откроете для себя не только новые имена, но также познакомитесь с новыми произведениями уже полюбившихся авторов.

В седьмом выпуске вас ждут произведения самых разных направлений, но все они связаны тонкими невидимыми нитями в единый сюжет. И вдумчивый читатель обратит на это внимание...

Удачи вам и приятного чтения.

Главный редактор альманаха Наталья Терликова

Авторы Лито «Понедельник», Израиль

Яша Хайн, Хайфа

Яша Хайн родился в еврейской семье, в городе Риге, столице Латвии.

С 1979 года Яша проживает в Израиле.

Начало его литературного творчества относится к 2015 году, когда он начинает писать стихи и прозаические миниатюры. Первая книга «Среди извилин мозговых» была издана в 2016 году, вторая – «Улитка счастья» – в 2018 году, недавно вышла в свет повесть «Носке – гражданин Латвии».

Произведения Яши Хайна переведены на английский и иврит, их читают в России, США, Германии, Великобритании и Израиле. Его стихи были высоко оценены профессиональной критикой России, печатались в «Литературной газете» и «Литературной России», были включены в «Антологию поэтов Евразии» и в «Антологию поэтов Израиля», получали специальные призы международных конкурсов. В 2019 году на литературной конференции РосКон стал лауреатом международной премии имени Франца Кафки «За крупный вклад в российскую литературу».

Яша Хайн с успехом интегрирует свои выступления с другими артистами; особенно запомнились вечера в «Синематеке» Тель-Авива и содружество с великолепным композитором и импровизатором Вячеславом Ганелиным на международном джазовом фестивале Иерусалима 2018 года, а также совместное выступление в Ашдоде с уникальным королевским музыкантом Швеции Элиасом Файнгершем.

Чужая бабушка...

На стене висит портрет моей любимой бабушки. Портрет чёрно-белый, только глаза голубые. Голубые-голубые, по рассказам судя, – так рассказывают люди. Бабушка умерла, когда маме было всего пятнадцать лет и я, конечно, её в живых не застал. Но зато у меня есть её портрет, на котором видно, какая она добрая и красивая. Бабушку звали Инна.

От второй бабушки, папиной мамы, у меня нет ни портрета, ни даже вещички маленькой – её вместе с дедушкой и тётёй убили фашисты, когда папе было двадцать лет. Папа не мог защитить бабушку, потому что воевал в это время с фашистами под Москвой и был далеко от дома. Бабушку звали Дора (так зовут сейчас мою дочку), она была высокая, статная и тоже с голубыми глазами. Так мне папа про неё рассказывал.

Папа вернулся домой после войны и не застал никого из своей семьи, а дом их был сожжён дотла. Поэтому у меня нет никаких вещей и фотографий моей бабушки Доры.

Рядом с нами живёт бабушка Оля, которой недавно справляли девяносто лет.

Справляли её день рождения у нас дома, потому что Оля живёт одна – её сын погиб во время Войны Судного Дня и муж умер вскоре после смерти сына. Оля невысокого роста, но держится прямо, и у неё замечательные карие глаза, полные любви и добра.

Я люблю обнимать бабушку Олю и гладить её руки. Кожа на руках у неё мягкая и тонкая, все прожилки видны. Оля часто говорит, что Б-г ей меня послал на старости лет, но я думаю, что всё наоборот: это Б-г мне её послал вместо двух моих бабушек, которых Он несправедливо забрал раньше времени, и даже сделал так, что у меня, как и у бабушки Оли – карие глаза. Я благодарю Его, что послал мне чужую бабушку Олю, которая стала своей. Иногда, в минуты слабости, я прошу у Него, чтобы дал моей будущей внучке (которая ещё не родилась) голубые глаза – в память о моих бабушках Инне и Доре.

Гриша

По дороге на встречу с Гришей с удовольствием разглядываю привычный пейзаж сентябрьского Средиземноморья: светло-серая дорога, обрамлённая пыльно-зелёными, усталыми деревьями и бело-розовыми цветущими кустами, густо-синее небо сливающееся с сине-зелёным тёплым морем, в туманной дымке виднеется силуэт горы Хермон.

Поток горячего воздуха сливается со звуками джаза и чарующим голосом Джосс Стоун – август сгорел, скоро сгорит и сентябрь, внезапно дохнёт прохладой росистого утра призрака зимы, но чувство полной свободы в этот прекрасный час окутывает меня, создавая прочность и бессмертие.

Гриша всегда был олицетворением удачи и свободы. Богатый и неженатый, светлоглазый коренастый бизнесмен-файтер¹, вечно небритый и одетый пренебрежительно просто, он излучал свободу мысли, особенно в области спиртного, спорта и секса.

Под его взглядом одинаково расцветали и молоденькие барменши, и знаменитые киноактрисы.

Гриша встретил меня обычным крепким мужским объятием. Усевшись за деревянным столиком уютного итальянского кафе и машинально перелистывая знакомое меню, я бросил взгляд на своего приятеля. Знакомое уже столько лет лицо со светлой бородой и всегда улыбавшимся белыми зубами ртом, и все-таки сегодня что-то в нем было не так. Несмотря на улыбку, тяжёлая тень, тёмная и беспощадная, таилась в запавших в глазницы глазах. Не ожидая вопросов, Гриша выдохнул два коротких предложения:

– Я полный банкрот. Моя империя рухнула и нет надежды.

– Совсем рухнула? – глупо спросил я.

– Да. Меня ожидают суды и, возможно, тюрьма. Не осталось ни гроша, – грустно ухмыльнулся Гриша. Он был одинок и непроницаем.

Подлое чувство жалости, смешанное со скрытым, непонятым удовлетворением овладело мной. Погас мир жаркой, синей свободы, раньше времени дохнуло призраком зимы и смерти. Внезапно почувствовал, что моё горло забито пылью, но решил не сдаваться.

– Гриша, давай проведём сегодня весь день вместе. Будем есть, пить вино и наслаждаться музыкой. Сделаем сегодняшний день прекрасным, свободным, и пусть звучит музыка – мы будем подпевать ей, этой сладостной, гибельной, всепрощающей музыке, чтобы ощущать нашу свободу...

Светлая тёплая волна смысла чёрную тень в его глазах:

¹ Файтер (англ.) – боец, воин.

– Спасибо дорогой друг. У меня сегодня много дел – не сердись, я просто занят, – проговорил файтер, ненавидящий чувство жалости...

Две минуты – между жизнью и смертью...

Сегодня отмечаем День Памяти погибших солдат и жертв терактов...

Каждый год, в течение двух минут гудят сирены, пронизывая нутро, и мы, с поникшей головой, рассматриваем серое покрывало асфальта или бурую каменистую землю, в которой покоятся наши герои.

Две минуты – так судьба распорядилась, что звонок моего друга Якова Шейни², в тот роковой день, я пропустил всего на две минуты. Яков сказал жене, что едет со мной обедать в восточный ресторан на бензоколонке М'АЦА в Хайфе. Яков не дозвонился, поехал без меня и погиб во время теракта на бензоколонке.

Двух минут не хватило мне, чтобы встретить его, погибнуть вместе с ним или вместо него, а может, и спасти его – этого я никогда не узнаю, но каждый год две минуты сирены гудят в его честь и напоминают о жестокой превратности судьбы...

Мы были в компании одной:
Яков первый и Яков второй.
И он погиб – отдал жизнь в жертву.
Так стал навечно Яков – Первым...

Белые ночи, белая грусть

Белая пора, пустые ночи,
небосвода диск тягуч и густ,
если уж писать – то покороче,
растворяя белой ночи грусть.
Белая душа и грусть такая,
как её улыбка белых уст,
белый сумрак, утром, умирая,
оросил акаций белых куст.

Тут не любовь – скорей судьба

Любовь – оставим молодёжи,
у нас – судьба. Войдёт она,
и ты, по цвету губ и кожи,
угадываешь – голодна.
В её в шагах неторопливых,
в молчаньи суженных зрачков,
в глазах, с оттенком чёрной сливы,
теплится жизнь твоя – без слов,

² Шейни (иврит) – второй

без поучений и без правки,
в фокстроте липовых теней —
у Бога не просить добавки,
осознавая – счастье в ней.
Уйти, оставив молодёжи
всю сцену и задуть свечу,
вкушая нежность, полулёжа,
понять, что счастье – по плечу,
прижав лицо
к её лицу...

Рыжий солдат

Солдат с оружием в руках, такой улыбчивый ребёнок,
Судьба ведёт его по жизни – словно под уздцы коня,
Рыжеволосый, нежный мальчик – грациозен, мил и тонок,
Пространство осветивший мягким светом рыжего огня.
Ему бы вместо автомата – скрипку в руки. Ветер с юга
Смычком скользнёт по струнам и озвучит сердца тихий стук,
Смешинки заразительно в глазах запляшут, жизнь-подруга
Обнимет. Будет лето, «губы слаще мёда», скрипки звук.
Когда же он, солдат, поймёт, что мир не так пахуч и светел,
И рыжий свет вдруг превратится в пляску смерти и огня —
Забудет, мальчик, звуки и цвета, что в юности приметил,
В душе, теплиться будет лишь мечта наивная одна:
Состариться! Средь тысячи ленивых будней ковыляя,
Терять спокойствие и зренье, жить в разлуке, быть больным,
Упрямым, желчным стариком, о самом важном размышляя:
Мне удалось! Им не сказать – «Погиб геройски
и так жаль, что умер молодым»...

Ирина Сапир, Холон

Родилась в городе Одесса в 1972.

После окончания средней школы в 1991, в возрасте 17 лет, вместе с родителями эмигрировала в Израиль.

В 1993 году поступила в Тель-Авивский университет на отделение английской литературы и лингвистики.

В 2012 году была выпущена первая книга стихотворений для детей – «Пушистый Мир».

В 2012 году два стихотворения были переведены на иврит Итамаром Язом и напечатаны в журнале «Псифаз» в зимнем выпуске 2012 года.

В 2016 году вышел сборник стихотворений – «Я родилась осенним утром» (издательство «Бейт Нелли», Израиль).

В 2016 году была принята в ряды Союза Русскоязычных Писателей Израиля.

В 2018 году была принята в ряды Международной Гильдии Писателей.

Цикл стихотворений о городах «С миру по строчке»

Париж

Как симпатичен мне Париж!
Хочу обнять весь этот город
со шпилями его соборов,
с оградками оконных ниш,

с тесьмой каштанов вдоль аллея,
с рядами лавок букинистов,
со всей его толпой туристов,
с эклером в тертом миндале,

с ночным экстазом кабаре,
с хрустящей корочкой багетов,

с потоком шляпок и беретов,
с фонтаном в стареньком дворе,

с разлётом шалей и манто,
с двойным эспрессо, с эхом гулким
мощенных узких переулков,
с ажуром арочных мостов...

Обнять Париж! К себе прижать!
Собрать на память по крупицам
его сюжеты, краски, лица
и уложить в ручную кладь.

Рига

Носятся чайки, все выше и выше,
над колокольнями и флюгерами.
Крики их бьются об красные крыши
и рассыпаются между домами.

Прошлых столетий легенды и были
бродят по улицам тихо, как мыши.
И облака, натываясь на шпили,
плавно сползают на красные крыши.

Гулко стучат каблуки по дорожкам.
Камни булыжные вечностью дышат.
И, неизменно, две черные кошки
с башенок смотрят на красные крыши.

Луч купола золоченные лижет.
Сонмы веков умещаются в миге.
Мягко накинула красные крыши
шалю на плечи старинная Рига.

Тракай

Передо мной блестит простор озерной глади.
Легонько теребит мне локон у виска
и по плечам меня бесцеремонно гладит
дыханье ветерка.

Небесная канва над головой провисла
под тяжестью густых махровых облаков.
Я провожу рукой по изумрудным листьям,

их бархатный покров

прохладен, и на нем еще дрожат слезинки
недавнего дождя. Росистая трава
беспутно льнет к ногам. Меж веток паутинка
дрожит, как тетива.

На ярком лепестке раскачиваясь сонно
вкушает мотылёк цветочный эликсир...
Я забываю здесь о том, что есть бетонный,
уныло-серый мир.

Москва

Красный поезд. Мелькающий день
за окном то рекой, то лесом.
Мелкий дождик. Сонливость и лень.
Тучи – низким, густым навесом.

В небо врезанных крыш серебро.
Город, бьющий по нервам током.
Погруженье в пучину метро,
и движенье с людским потоком.

Оглушающий гомон Москвы,
непрерывный, нестройный, вязкий.
И вкрапленные в зелень травы,
одуванчиков жёлтые глазки.

Самых вкусных блинов аромат.
Куполов золотые чётки.
Неказистый, уютный Арбат.
В тучах тонущие высотки.

Эспланад бесконечная нить.
Притяженье кафе знакомых...
Я могла это всё пропустить,
Если б просто осталась дома.

Одесса

Мой город так теперь далек!
За много сотен километров,
за грудой снов и фото-ретро,
за толщей дат, событий, строк,

он существует, он живет,
как будто вовсе не бывало
меня там сроду. У причала
негромкий плеск сапфирных вод,

крупинки серого песка,
разбег аллей и троп бульварных,
коты, крадущие коварно
товар из рыбного ларька,

завидный, дачный урожай
черешни белой и клубники,
скользящие по морю блики,
звнящий старенький трамвай,

плющ на облупленной стене,
платанов бархатных навесы...

Я не живу давно а Одессе.
Она теперь живет во мне.

Тель-Авив

Нырну привычно в Тель-Авив,
и он немедленно затянет
меня, как муху, проглотив,
в свой омут. Звуки смеха, брани,

гудков машин нарушат ход
моих неспешных мыслей. Тучный
владелец лавки заорёт,
товар расхваливая. Скучно

тут не бывает! На ходу
со лба стирая капли пота,
я, незамеченной, пойду
среди толпы, до поворота,

и там, сверну. Кафе, ларьки,
знакомых улиц коридоры.
Блеснёт изгиб Яркон-реки,
что протекает через город.

Раскинут пальмы веера,
и попугаев ярких стайка
промчится с криками. Жара

проступит пятнами сквозь майку.

И вдруг... по памяти скользнёт
совсем другой ландшафт: прохлада,
одесский говор, море, порт,
каскад ступенек, колоннада...

Остановлюсь, глаза закрыв,
потом, смахнув мираж, спокойно
вернусь в реальность: Тель-Авив —
восточный, дерзкий, шумный, знойный —

мой дом, уже так много лет.
А что Одесса? – Просто горстка
нечастых снов, размытый след
в песке на пляже черноморском...

Михаил Ландбург, Ришон ле-Цион

На приёмной комиссии

На приёмной комиссии в полицейскую школу меня спросили:

– Как с интуицией?

Я сказал:

– С этим – полное попадание.

Тот, что с тонкой шеей, вздрогнул.

– Иди! – сказал он.

Я взглянул на окно и спросил:

– Куда?

Тот, что с фиолетовым носом, прищурил глазки.

– Спроси у своей интуиции, – посоветовал он.

Я послушно кивнул головой и заглянул в себя.

«Тонкая шея» задержал на мне колючий взгляд, а потом спросил:

– Подсказала?

– Ага, – отозвался я.

«Тонкая шея» и «Фиолетовый нос» между собой переглянулись.

– И что же она тебе подсказала?

Для большей уверенности я снова заглянул в себя, потом сказал:

– Мне неловко. Выговорить такое вслух мне неловко.

«Фиолетовый нос» оживился.

«Тонкая шея» пальчиком подозвал меня к себе и убеждённо проговорил:

– Парнишка, в тебе есть *это самое!*

– Подходишь! – прошипел «Фиолетовый нос».

Я сидел за компьютером

Я сидел за компьютером, когда в комнату заглянул сын и сказал:

– Летим в отпуск.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Куда?

– На остров Родос.

– Счастливо!

Потом заглянула невестка, и ей я тоже сказал «счастливо».

Внучку предупредил, чтобы остерегалась медуз.

Снова заглянул сын.

– Не хочешь с нами?

– Я занят.

Снова заглянула невестка.

– Не хотите с нами?

– Заканчиваю повесть. Нельзя прерываться...

В приоткрытую дверь внучка прокричала:

– Медуз я не боюсь!

– И они тебя тоже! – прокричал я в ответ.

К дому подъехало такси.

В голове шевельнулась где-то прочитанная фраза: «Талант медленно убивает тебя, пока пишешь, и быстро добивает, если останавливаешься».

Такси отъехало, и меня бессовестно отвлекла мысль о предстоящем одиночестве.

Я походил по комнате.

Подержал в руках фотографию покойной жены.

Приготовил себе тарелку салата.

Допил остывший стакан чая.

Переоделся и вышел на улицу.

Было жарко.

И душно.

И липко.

На небе, не поделив что-то между собой, толкались облака.

Я заставил себя повернуть назад, к дому.

– Чего тебе? – заговорил я с увязавшимся за мной похрамывающим щенком.

Щенок улёгся на мои туфли.

«Покинули родные», – догадался я.

За моей спиной призывно прокашляли.

Я обернулся.

– Честь имею! – сказал Лисин – автор пьес, за постановку которых не брался ни один режиссёр. Театры упорно восставали против теории Лисина, утверждавшего, что для выражения в пьесе авторской мысли вполне достаточно наличия минимального количества слов при присутствии максимально обширного разнообразия action. «Оттого, что герой пьесы активно помочится прямо на сцене, – утверждал Лисин, – подмостки не рухнут, и театральная занавес не подгниёт, зато выразительно яркий action яснее всяких слов позволит зрителю понять, каким, например, недугом мучается персонаж пьесы». В последней пьесе Лисина «Радостное погружение» слов вообще не было. Почти не было. Всё было построено на молчаливых диалогах искренних, совершенно раскованных душ.

– Честь имею! – отозвался я.

От опухшего и несимметричного лица Лисина исходил неотвязный запах пива.

– Не отвлекаю? – осторожно спросил он.

– Отвлекаешь, – отрезал я. – У меня интервью...

– С этим? – устремив на собачку вялый, безучастный взгляд, Лисин поморщился.

Я промолчал.

– Тут напротив бар «Весёлый кенгуру», – испытующе взглянув на меня, проговорил Лисин. – Может, глотнём по рюмочке?

Я отрицательно покачал головой, ибо знал, что одной рюмочкой не обойдётся. Подобное мероприятие Лисин талантливо превращал в многосуточный фестиваль.

Глазки Лисина сощурились так, будто их ослепил яростный свет молнии. Сдавленным голосом он проговорил:

– Я подумал, что нам не помешало бы немного очиститься...

– От чего? – не понял я.

Лисин скосил глаза и мрачно заметил:

– От чего очиститься – всегда найдётся.

– Ты иди, – вежливо попросил я. – Мне кажется, что между мной и собачкой наметилась духовная близость и даже некое взаимопонимание. Нам есть о чём поговорить...

Сбитый с толку, Лисин бросил взгляд на двери бара «Весёлый кенгуру» и с горечью выдохнул:

– Ты не знаешь, почему, когда смотришь на жизнь трезво, то ощущаешь необходимость выпить?

Я не знал.

В глазах Лисина появилось выражение загнанности. Он обиженно прошептал: «...» и убрался.

«Пойдём ко мне», – предложил я щенку.

На улице было по-прежнему —

жарко,

душно,

липко.

Пропуская гостя к себе в комнату, я проговорил: «Умение переносить состояние одиночества – великое искусство». Щенок, видимо, подумал точно так же, как и я. Во всяком случае, он посмотрел на меня с неподдельным умилением.

Я поставил на пол миску с водой и сказал: «Помой лапы, и пойдём ужинать».

После ужина я опустил в кресло и вдруг подумал, что в день 190-летия со дня рождения писателя Достоевского не грех поведать своему гостю что-либо о творчестве этого писателя.

Щенок напряг ухо: понять людей не просто.

«Писатель Достоевский, – начал я, – безусловно...»

Мой гость слушал меня с терпеливым вниманием, но вскоре, видимо, подустав внимать, опрокинулся на спину и раскрыл лапы.

«Мы с тобой совсем неплохо проводим время, не правда ли, – заметил я, – во всяком случае, мы ведём себя вполне достойно, оказывая друг другу пример взаимопомощи, взаимовыручки и поддержки».

От щенка исходил запах безмятежного тепла.

Я выбрался из кресла, пересел к компьютеру и продолжил работу над своим манускриптом.

Фигня

За две недели до наступления нового века из Канады позвонил Сол:

– Я подумал, почему бы нам не провести первые часы нового века вместе?

– Сол, дружище, – разволновался Нир, – после стольких лет! Я приготовлю лодку и удочки, и мы отлично встретим Новый век!

К вечеру 31-го декабря небо покрылось густыми тучами, а затем на Кинерет навалился ливень. Нир стоял у окна, с тревогой наблюдая за тем, как дождь теребит мутное тело озера, как устало мерцают мокрые доски причала, как потерянно прижимается к нему залитая водой лодка.

«Господи, – шептал Нир, – разгони тучи! Пожалуйста, будь добр и отгони их!»

По окну пробежал жёлтый луч, а потом Нир заметил, как из тумана вынырнул длинный чёрный автомобиль.

Нир выбежал из дома.

Друзья обнялись.

– Я успел? – пыхтел Сол.

– Самый раз... Входи!

На стене, слева от двери, висела фотография.

Сол замер.

– Это же наш танк на Фридрихштрассе.

Друзья снова обнялись.

– Пятьдесят шесть лет... – прошептал Сол.

– Пятьдесят шесть лет... – отозвался Нир.

Ветер за окном усилился, однако дождь не утихал.

– Сол, ты это отлично придумал! – сказал Нир.

Сол посмотрел в окно и пропел:

– Я пришёл, ты пришёл, дождь пришёл.

– Чёртов дождь, – огорчился Нир. – Всё испортил...

Вспышка молнии высветила тёмный кусок озера.

Сол сказал:

– Расслабься! Испортить всё – дождь не может. Испортить всё – не смог даже целый век...

Прикусив губу, Нир проворчал:

– Этот век нас порядком выдоил. Он нас выдоил, как неразумных козлов.

– Как коз? – уточнил Сол.

– И как коз тоже.

Снова вспыхнула молния.

Сол спросил:

– Помнишь, что говорил перед боем сержант Ребров?

Нир оживился:

– Ещё бы! Этот русский кулаком шлёпал себя по каске и во всю глотку орал: «Смерть – копейка, жизнь – фигня!» Молодые мы были... Молодые львы, хотя и измождённые, голодные...

Сол выдохнул:

– Фигня! Конец века – это ещё не конец света!

Нир согласно кивнул и, просунув ноги в большие резиновые сапоги, выбежал из дома.

Вернулся он через полчаса с четырьмя рослыми парнями, которые, не проронив ни слова, опустили на пол наполненные озёрной водой вёдра и ушли.

Нир опрокинул вёдра с водой в ванну и, громко смеясь, заметил.

– По-настоящему ценные подарки люди делают себе сами. Теперь у нас есть и лодка, и озеро, и рыба...

Сол кивнул на воду и осторожно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.